

Глава 46. Утешение.

Давайте вернемся немного назад. После того, как Мо Хен закончил рисоваться перед своими друзьями, он вернулся из своего путешествия только, чтобы найти письменный запрос об отъезде Цылиня, покинувшего мастерскую. Лишь на мгновение его лицо тотчас стало вместо солнечного мрачным. Каждый в отделе исследования был смертельно молчалив из-за этого. Явно сэр Мо расстроился, очень-очень расстроился.

Зная некоторые детали операции военных, Мо Хен сдерживал себя от контактирования до того момента, пока не услышал, что миссия достигла финальной фазы. Более того только, когда он услышал, что Цылинь проанализировал более 100 антител самостоятельно, полностью превзойдя около 50+ исследователей станции, его настроение понемногу улучшилось. Как говорил вице министр Ань Тин: «Хвост старого лиса стал немного длиннее».

Но Мо Хен не ожидал, что Цылинь в опасности. Когда соединение было установлено, его мрачные чувства немедленно превратились в ураган. Пока он слушал объяснение Хо Нэйа, его выражение лица с каждым словом становилось все мрачнее.

«Вы говорите мне, что моему ученику, сделавшему такой огромный вклад, «всадили нож в спину», пока он был под лекарствами?!»

Хо Нэй сохранял тишину. В его понимании личности Мо Хена было бы лучше всего сейчас не говорить ни слова.

«Как он сейчас?» - голос Мо Хена стал глубже и агрессивнее, таким злым, что был не выносим.

«Доктор сказал, что он стабилизировал что-то после реанимации».

«Я беспокоюсь. Я пришлю вам нескольких человек прямо сейчас...».

Хо Нэй разговаривал по телефону в пустой комнате реанимации. Как только Хо Нэй, весь вспотев, пытался наладить общение в Мо Хеном, медик постучал в дверь и вошел. Хо Нэй просил ранее сообщать ему о любых изменениях. Увидев, что Хо Нэй разговаривает, медик передал ему планшет.

После прочтения содержания планшета, Хо Нэй немедленно почувствовал немного больше уверенности, чем раньше.

«Старейшина Мо, Я только что получил информацию, что Цылинь сейчас стабилен»

Увидев явно недоверчивый взгляд Мо Хена, Хо Нэй взял коммуникатор и приставил планшету, показав Мо Хену жизненные показатели на приборах и цвет лица Цылиня. Он перемещал коммуникатор взад-вперед долгое время, пока не увидел, что Мо Хен все-таки немного ему поверил. И уже требовал, чтобы Хо Нэй отправил Цылиня обратно в Седьмое Сияние настолько быстро, насколько это возможно. Иначе Мо не мог быть спокоен.

«Я говорю тебе, этот старик и не моргнул бы, даже если все его приемные дети на станции были бы съедены той мышью. Ты можешь их взять их всех вместе, и они в совокупности не пойдут ни в какое сравнение с кусочком моего ученика! Почему кто-то должен платить своей жизнью за разрушения, причиной которых их некомпетентность-Чепуха! Вздор! черт возьми, он живой! О чем я говорю? Я подразумеваю - почему кто-то другой должен убирать их дерьмо, да?!»

Лишь миг сэр Мо был в ярости. Таков был его характер: гнев внезапно рос и также быстро остывал. Его сын генерал Мо Цин также полностью унаследовал эту особенность своего отца. Много лет назад, оба - Хо Нэй и Жерар - ощутили всю тяжесть характера генерала Мо Циня. Когда его характер проявлялся, было тяжело кому бы то ни было остановить его от чего-либо, что он хотел сделать. Не могло быть сомнений, что каждое утверждение, вылетевшее из его рта, было абсолютно противоположно политкорректности.

Кто-то, как Мо Хен, мог бы показаться вполне милым и дружелюбным ученым господином, когда он был в хорошем настроении в обычный день. Но если его характер был бы лишен клыков, тогда он был бы обычным человеком.

Вот то, что люди называют упертым. Мир, которому они показывались, был большим, но мир внутри их сердец не обязательно был большим. Тем не менее, один не мог остановить их, когда они защищали себя. Хо Нэй знал это слишком хорошо, вот почему он молчал, когда Мо Хен дошел до ручки и высказал свои бескомпромиссные замечания. Просто дал им влететь в одно ухо и вылететь в другое. С другой стороны поразительно было бы видеть таким сэра Мо, если бы это развернулось на публике...

Великодушное спасибо, что медик, который пришел, сразу уже ушел, и с другой стороны... Ясно, давайте не будем вникать в это.

Проинструктировав Хо Нэйя, Мо Хен окончательно отключил коммуникатор с большой неохотой. Как бы там ни было, прежде чем все произошло час назад, Хо Нэй отрапортовал о состоянии Цылиня Мо Хену. С другой стороны, если Мо Хен примчится сюда со своим человеком, как он осмелится простить его...

Лицо Мо Хена не стало намного лучше после отключения коммуникатора. Пока он решал сделать Цылиня своим главным учеником, он сделал некоторое расследование про семью Доунаньцэ. Он знал все об их семейном конфликте и все грязное белье, которое следовало из этого. Семья Доунаньцэ могла бы считать себя влиятельной в десяти торговых секторах, но для Мо Хена эта важность не значила практически ничего. Мо Хен оценивал возможности личности по делам - не за их прошлое, не за плюсы их принадлежности, которые они могли принести. Он даже хотел бы, чтобы Цылинь отделился от семьи Доунаньцэ и не имел опыта совсем - так он не был бы причастен ко всем этим грязным распрям.

Как и было сказано, Мо Хен не собирался сидеть и смотреть на страдания своего ученика. Кто-то должен был заплатить за это.

Пока Мо Хен мог участвовать в преподавании, но на самом деле железо текло в его сердце. Просто глянув на генерала Мо Цин, если старик смог воспитать кого-то как генерала Мо, тогда как он мог быть яйцом всмятку?

Мо Хен ввел новый сигнал трансмиссионного кода в свой коммуникатор и позвонил...

Кто-то протянул свои руки слишком глубоко и командовал десятью торговыми секторами слишком долго, так долго, что забыл насколько вселенная большая!

Хо Нэй, Рыцарь и остальные начали свое расследование. И вскоре они узнали, что женщина вколола цианид себе на складе медикаментов, совершив самоубийство. Более того, она не сторонилась скрытых камер склада и вколола себе большую дозу цианида прямо напротив камер. Она знала, что покойник после провала миссии и будет разоблачена. Она так и не вычислила, как Цылинь выжил после смертельного укола.

Как женщина проскользнула в корабль лазарета? И кто прикрывал ее? Проверка и тестирование медперсонала была даже строже чем других. Она скорее всего имела сообщников и даже больше, чем одного. Это мог быть солдат, исследователь, кто-то из медперсонала...

Хо Нэй также понимал запутанность всей ситуации. Поэтому согласно просьбе Мо Хена он решил немедленно отправить раненных назад в Седьмое Сияние: и Цылиня, и Ржидэ, и других, которые были специально направлены в личный состав, чтобы защитить их. Здесь не должно было быть ни малейших проблем или он будет вынужден потерять звезду с погон.

Пока все были заняты, Цылинь находился в постели. Но хотя он спал, его сознание было очень ясным. Он знал, что происходило вокруг него; знал, что Мо Хен беспокоился о нем; знал что Рыцарь, Хард и Сы стояли под дверями все то время, пока он был в реанимации.

Он бы соврал если бы сказал, что не был тронут. Когда Цылинь был еще очень молод, Генья уже сказал ему, что человек - это социальное животное. Большая часть людей, которых он случайно встретит или окинет взглядом в целой галактике, превзойдут сотни миллиардов, и только тех, кто будет реально относиться к тебе хорошо, можно будет пересчитать по пальцам. Это была разновидность богатства, которое нельзя заслужить и где не имело никакого значения, сколько денег или времени было затрачено. Даже те, кто были одиночками, скрывали глубокую привязанность в своих сердцах.

Эта драма развернулась после предсказания Цылиня. Он предсказывал, что эти люди имели запасной план и в момент, когда он увидел женщину с подносом медикаментов на камере, он знал, что запасной план приходит в действие. Вот почему он оставил коммуникатор включенным, чтобы Рыцарь имел ниточку, которая бы вывела его после, и даже если бы ниточка прервалась, этого было бы достаточно, чтобы ее убили. Единственным путем для провалившего миссию киллера - была смерть.

Как бы там ни было, по этой причине Цылинь также чувствовал жар долгое время. Утешение пришло к нему снова после Генья, и Хэнь отошла. Как минимум был кто-то, кто присматривал за ним с другой стороны двери, пока он лежал на кушетке.

Кто-то его лет, он слишком многое перенес.